

Максим Милованов

ASSEMBLER

Встретимся в файлах...

Максим Милованов

**Assembler, или
Встретимся в файлах...**

«Издательство «Перо»»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Милованов М.

Assembler, или Встретимся в файлах... / М. Милованов —
«Издательство «Перо», 2019

ISBN 978-5-00150-432-0

АССЕМБЛЕР – язык программирования второго уровня, первобытный, устаревший, забытый. Аналогичное прозвище получил живущий в США программист с русской фамилией Петров. Однажды жители земли получили послание, расшифровать которое удалось лишь Петрову. Так автор учебника «Ассемблер для начинающих» стал обладателем уникальных знаний, одновременно главной угрозой и надеждой человечества. Трудности перевода состояли из испытаний на прочность, преследований спецслужб, арестов, зависти, предательств, горечи потерь. Были и приятные моменты: любовь, преданность, вера и как это ни странно «восстание машин». «Оказалось, у каждого есть ассемблер. После прочтения просьба относиться к своему ассемблеру бережно. Встретимся в файлах...»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-00150-432-0

© Милованов М., 2019
© «Издательство «Перо», 2019

Содержание

Шапку надень	6
Душа у них прямо в желудке	9
Выращивать фиалки и нянчить внуков	15
Бонадвентур. Петров. Ассемблер	18
Убить пророка	25
«Дневная Моника»	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим Милованов
Assembler, или Встретимся в файлах...

© Милованов М., 2019

* * *

Шапку надень

- Шапку надень.
- Зачем? Тепло на улице.
- Метеорит упал на Марс, слышал?
- Метеорит и шапка! Какая связь?
- Будет дождь.
- Железная логика... Тогда и с тебя обещание.
- Какое?
- Не вставать с кровати.
- Договорились... Шапку надень...

Он знал, что мама непременно обманет. Обязательно встанет с постели, чтобы понаблюдать, как удаляется от дома его автомобиль. По открытому участку дороги до поворота ехать примерно двадцать секунд. Он знал, что эти двадцать секунд она проведет у окна, хотя вставать с каждым разом ей становилось все труднее.

К горлу подкатывал горький ком.

«Нужно заново переписать ассемблер печали», – мелькнуло в голове.

Тронувшись в путь, он посмотрел в зеркало заднего вида. Мамин силуэт в окне был едва различим, но этого вполне хватило, чтобы из глаз прорвались две слезы.

«Отличная деталь», – подумал он, смахивая слезы. – Компьютер, скопировать последние пять секунд, прописать код мускульных реакций моего лица.

– Выполнено, – ответил компьютер.

Он прибавил скорость и в очередной раз подумал, что компьютеру пора придумать имя. Все вокруг говорили о том, что, обретая имя собственное, машина начинает действовать эффективней, очеловечивается, становится другом, коллегой, советником. Он в подобное не верил. Он знал, что машина – всего лишь машина, но все же...

– Вы уже придумали мне имя? – словно подслушав мысли человека, спросил компьютер. – Мне лично нравятся имена женские, например Камилла.

– Нет...

– Камилла – звучит словно песня, – попробовал пошутить компьютер.

– К черту Камиллу – будешь Моникой...

Эта фраза сбила компьютер с толку. На пару секунд он завис. Затем что-то захрустело, так, будто в процессоре имелись кости и они сейчас ломались.

– Моника – это как Моника Белуччи? – прекратив хрустеть, попытался угадать компьютер. Голос его из нейтрального стал женским и чувственным.

– Моника – это как просто Моника.

– Просто Моника, – повторил компьютер. – Этого в файлах нет.

– А ты покопайся...

– Этого в файлах нет, – повторил компьютер. Голос все еще был женским, но чувственность исчезла.

Мужчина попытался вспомнить, с чего это вдруг он резанул подобную чушь. Какая еще Моника? Что за дурацкое имечко?

Может, пани Моника из старинной телепередачи «Кабачок «13 стульев»? Нет, вроде бы не она...

Теперь уже захрустело в его голове. Мозг пытался найти исходный файл, первоисточник... Экскурс в прошлое потребовал некоторых усилий, и наконец вспомнился какой-то смешной эпизод, то ли из испанского, то ли из итальянского фильма. Там муж, придя вечером

домой, в очередной раз застал свою супругу за просмотром глупого ток-шоу, которое называлось «Моника».

«Ты же смотрела «Монику» утром!» – закричал взбешенный супруг. На что жена спокойно ответила: «Утром была «Утренняя Моника», а это «Моника вечерняя».

Он улыбнулся и поспешил выдать компьютеру подсказку:

– Просмотри файлы раздела «Кинематограф. Комедии». Ключевые слова: «Утренняя Моника», «Вечерняя Моника».

Компьютер немного похрустел и тут же погрузился.

– В файлах есть еще «Ночная...» и «Дневная Моника», – сообщил компьютер. – Вы вправду хотите постоянно слышать «тот самый» голос и «те самые» интонации?

– А ну-ка скажи что-нибудь «тем самым» голосом.

Компьютер сказал, и человек засмеялся.

Это было как раз то, что ему сейчас больше всего хотелось, – засмеяться, отвлечься, сделать так, чтобы хоть на несколько секунд его не преследовал прощальный взгляд мамы.

– Мне нравится, – соврал человек.

– Я склонен полагать, что это намек на мою излишнюю навязчивость...

– Моника. Ты чертовски догадлива...

Но компьютер не уступал.

– Я слышу нотки досады и желания причинить боль. Но я подобного отношения точно не заслужил... – Щелчок, щелчок... – Не заслужила. Мне бы хотелось узнать, с чем это связано? Мое предположение: причина в том, что ваша мама больна и вы ничем не можете ей помочь? От этого вам нехорошо...

– Да, это так. Извини, – согласился человек.

Компьютер выдержал паузу и спросил:

– Если бы файлы относительно заболевания стали более полными, я мог бы подсказать верное решение. Ведь именно для этого я создан... – Щелчок, щелчок... – Создана. Для поиска верных решений.

– У нее рак, неоперабельная опухоль в голове, – отчеканил человек.

Что-то снова щелкнуло.

– Страшный диагноз. Почему вы раньше не говорили?

– Не видел необходимости.

– Но почему?

– Отвяжись...

Опять раздались щелчки.

– А что, вообще, за трескотня? – спросил человек.

– Я не могу объяснить, – ответил компьютер.

– Как это не можешь?!

– Непонятна ни природа происхождения, ни назначение данных звуков. Они исходят извне...

– Помехи?

– Этого в файлах нет...

– Внешнее воздействие?

– Этого в файлах нет...

– Тьфу ты...

Несколько минут в машине было тихо, однако внутренние щелчки и в мозгу человека, и в процессоре компьютера не стихали.

– А вы слышали о методе борьбы с раком профессора Кембела из Бостона? – спросил компьютер.

– Слышал, что метод не сработал.

- В моих файлах нет достаточной информации. Изучить данный вопрос?
- У тебя другие задачи. Медицина не твой профиль.
- А вы уверены, что к данной проблеме нужен стандартный, профильный подход?
- А какой же еще?
- В моих файлах нет достаточной информации, но я буду иметь в виду эту подзадачу.

Буду аккумулировать информацию.

- Не забивай файлы...
- Вы отменяете задачу?

Человек ничего не ответил.

– Проложи маршрут к лаборатории. Пора на работу.

Странно, но на улице вдруг заморосило.

«Будет дождь, – вспомнил он слова мамы. – Шапку надень».

Душа у них прямо в желудке

В лаборатории тактильности было многолюдно и гулко. Видимо, начинался очередной прорывной эксперимент, один из тех, что заканчивается либо порчей имущества, либо Нобелевской премией.

Возле порога стоял ассистент Ли Чон Ву, в простонародье – Ли.

– Сейчас начнется! – торжественно объявил Ли.

– Что начнется?

– ТКБ... Тактильная Коллаборация Бонадвентура!

Заметив удивленное, даже немного испуганное, лицо начальника, Ли пояснил.

– То, что вы велели сделать на последнем совещании, – эксперимент по усилению тактильных реакций с помощью импульсного излучателя. Прототип с последним вариантом материнской платы готов. На всякий случай мы решили дать эксперименту ваше имя – а вдруг открытие...

– Зачет, – засмеялся начальник, абсолютно не помня, о чем речь.

– А еще в вашем кабинете некто Джессика из центрального офиса в Вашингтоне, – добавил Ли.

– У нас есть офис в Вашингтоне?

– Сам не знал, но, по всей видимости, – есть...

Она стояла возле окна в огромном то ли комбинезоне, то ли халате и делала вид, что любуется видом на промышленный пейзаж.

– Джессика – это как Джессика Роджер из «Кролика Роджера»? – спросил он вместо приветствия, пытаясь угадать под халатом-балахоном те самые знаменитые пышные формы из мультфильма.

– Джессика – это как Джессика Пирсон из Suits, – повернувшись к нему лицом, ответила гостья.

– Значит, вы большой босс?

– Большой-пребольшой!.. Прибыла к вам из центрального офиса в Вашингтоне.

– Никогда не слышал о таком...

– Услышали теперь, – гостья улыбнулась. – Моя фамилия Уотсон.

– «Уотсон Индастриз» – наш главный акционер...

Гостья кивнула.

– И что привело вас из Вашингтона в нашу глушь?

– Приехала посмотреть – что именно мы финансируем.

– Отлично... А можно еще один важный вопрос – кто нарядил вас в этот халат?

– Это не халат, это защитный комбинезон. Ваш помощник предупредил, что без комбинезона здесь находиться нельзя.

– Ли из Китая. Там у них слишком строгие правила по части техники безопасности.

Джессика, покачив головой, вновь улыбнулась.

– Значит, реагирующие на температуру тела дроны-вампиры не нападут на меня и не закусают до смерти?

– Убью мерзавца!..

– Не стоит, – Джессика продолжала улыбаться. – Сама люблю пошутить. Хорошо, что ваш помощник не стал облачать меня в каску или противогаз. Испорченную прическу и макияж я бы точно не простила.

– Слава богу, мир спасен... А что, собственно, вы хотели узнать?

– Ну для начала – кто вы и как вас зовут?

– Ну я тут вроде как самый главный. А зовут меня Бонадвентур Петров...

Собеседница удивленно вскинула брови.

– Бонадвентур – это как Бонадвентур Пенкрофт из «Таинственного острова»?

Теперь уже удивленно вскинул брови он:

– Ого, вы читали «Таинственный остров»?

– Сайрос Смит, Гедеон Спилет, Герберт, Бонадвентур Пенкрофт и их верный пес Топ.

Кто ж этого не читал?

– Да никто не читал... Особенно здесь, в Америке...

– Ах да, мы же тут все неучи. Ну а вы, судя по фамилии, из России, представитель «самой читающей нации на Земле», – Джессика снисходительно улыбнулась. – В прошлом «самой читающей».

– Вы правы! «Кролик Роджер», «Шрек», «Смурфики» и прочий Голливуд нас почти сделали...

– Почти?.. Ха-ха...

– Что значит – ха-ха?..

– Ха-ха – значит то, что мы сейчас в Америке, в Хьюстоне. И я тут большой босс, а вы на меня работаете. Это называется «сделали», а не «почти сделали».

Петров покачал головой.

– Умеете же вы, «коренные американцы», все расставить по местам...

– Ладно вам обижаться, – Джессика расплылась в широченной улыбке победителя. – Вы ж сами начали. Про «Кролика...», про «Таинственный остров». Кстати, кто додумался вас так назвать – Бонадвентур?

– Отец... Он был помешан на Жюль Верне. У нас в доме имелось полное собрание сочинений...

В улыбке Джессики появился оттенок жалости. Видимо, она представила себе, каково быть Бонадвентуром в суровой России.

Экскурсия началась с лаборатории № 1, где как раз затевался «величайший эксперимент».

– Начнем с самого главного. Это наш основной испытательный стенд. Здесь мы тестируем готовые изделия... ну почти готовые...

– А что за изделия? – спросила Джессика.

Бонадвентур внимательно посмотрел на собеседницу – не шутит ли та.

– Вы в это вложили сто сорок миллионов и даже не знаете, о чем речь?

– Проект инвестировал мой отец. Неделю назад у него случился инсульт. Теперь он лежит без движения и делами пока управляю я, – ответила Джессика.

– Сожалею... А чем вы занимались до этого? – поинтересовался Бонадвентур.

– Бракоразводными процессами...

– В смысле?..

– Говорят, я один из лучших юристов по разводам. Вы, случайно, не собираетесь разводиться?

– Да я еще и жениться-то не успел... А вы?

– Я тоже...

Бонадвентур улыбнулся и повернулся к огромному стеклу, за которым копошилось около двадцати человек, одетых в такие же, как Джессика Уотсон, комбинезоны.

– Сегодня, кстати, у нас важный эксперимент, – сказал он. – Вы прибыли вовремя...

Бонадвентур попытался вспомнить, что именно должно произойти сегодня, но не смог. К счастью, мимо проходил Ли.

– Это мой ассистент Ли Чон Ву, – поймав проходящего за рукав, объявил Бонадвентур. – Вы с ним уже познакомились. Ли сейчас подробно расскажет, в чем суть сегодняшнего эксперимента.

– Но мне надо быть там, внутри, – испуганно промямлил Ли, косясь на облаченную им в смешной комбинезон гостью.

– Мисс Уотсон наш главный инвестор. Она хочет знать, на что мы тратим ее 140 миллионов, – так же косясь на комбинезон, подчеркнул Бонадвентур.

Ли побелел и оцепенел.

– Сегодня у нас эксперимент по улучшению тактильных реакций болванок на электромагнитный импульс, – промямлил Ли.

– А подробней? – попросила Джессика.

Тут Бонадвентур вспомнил, что он велел сделать своим подчиненным на последнем совещании, и заговорил сам.

– Сегодня мы будем испытывать на болванке нашу новую материнскую плату. Прежние платы были хороши с точки зрения функционала, но плохо работали в регистре тактильности.

Собеседница кивнула, но было заметно, что она ничего не поняла.

Бонадвентур зашел с другого фланга – он вынул из кармана свой коммуникатор.

Вы, наверное, знаете, что не все коммуникативные устройства одинаковы. Они имеют разную начинку в зависимости от того, для чего созданы. Какие-то отлично снимают видео, могут делать ролики, трехмерные проекции и фотографии. Какие-то заточены на качественное общение в любой точке планеты, снимают языковые барьеры, служат навигаторами в путешествиях. Некоторые коммуникаторы сориентированы быть помощниками в работе – они моделируют ситуации, подсказывают правильные решения, являются микро-менеджерами, консультантами. То, каков ваш коммуникатор, прописано в его материнской плате. В различных устройствах стоят разные материнские платы. Все они отличаются друг от друга по набору параметров и по фирмам-производителям.

Джессика кивнула, и этот ее кивок был уже более осмысленным. Бонадвентур продолжил:

– В робототехнике все то же самое. Наша лаборатория создает материнские платы, которые нацелены на наилучшую тактильность. То есть – мы улучшаем качество прикосновений. Мы делаем так, чтобы роботы могли испытывать тактильные ощущения аналогичные человеческим. Например, чувство боли, когда они обжигаются, чувство холода, когда они берут рукой снег, тепло человека или другого робота при рукопожатии, даже ласки...

– Так вы работаете на секс-индустрию? – попробовала догадаться Джессика.

– Секс-индустрии наши разработки несомненно бы тожегодились, – улыбнулся Бонадвентур. – Но у нас другой заказчик. Да вам-то как раз лучше знать, с кем долгие годы сотрудничает ваш отец.

– NASA, – удивилась Джессика. – Не может быть...

– Очень даже может, – подтвердил Бонадвентур. – Мы работаем на Космическое Агентство. Создаем версию робота, который полетит вместе с людьми на Марс.

– Вот это да! – голос Джессики дрогнул от волнения. – Наш робот будет участвовать в первой марсианской экспедиции!

– Насколько я слышал, еще три лаборатории получили аналогичные задания. Через три недели все мы должны предъявить образцы комиссии NASA. На Марс отправятся только лучшие экземпляры.

В этот момент из оцепенения вышел Ли. Он вдруг заговорил голосом рекламного марсианского агента:

– Люди высадутся на Красную планету вместе с машинами. Затем люди возвратятся на Землю, оставив роботов оборудовать пригодный для жизни периметр. Это будет огромный марсианский город под куполом. Через пять лет территория, пригодная для жизни, сможет

принять десять тысяч землян. А через тридцать лет, когда проект выйдет на полную мощность, на Марсе будет жить до двадцати миллионов человек...

– А затем мы построим марсианскую космическую станцию, с помощью которой вырвемся за пределы Солнечной системы и полетим к другим мирам, – Джессика засмеялась. – Сколько раз я слышала эту сказку от отца...

– Не такая уж это и сказка, – заявил Ли. – Космические корабли и двигатели, пригодные для полета, уже есть. Проблема в людях. Люди – это пока самое слабое звено. Поэтому людей на Марсе поначалу заменят роботы.

Зачем же тогда делать роботов уязвимыми? – спросила Джессика. – Развивая их тактильные ощущения, вы делаете их такими же незащищенными от воздействий космоса, как и людей. Так же, как люди, они будут чувствовать высокую температуру и холод. Зачем все эти сложности? И, вообще, от чувствительности до чувств один шаг.

– Про чувства никто не говорил, – отчеканил Ли. – Прямое копирование чувств человека – это табу, которое никто не собирается нарушать. Запрет на подобные разработки действует на всех. Мы не жаждем получить за это пожизненный срок. Мы всего лишь повышаем уровень тактильных ощущений.

– Но зачем? – по-прежнему не понимала Джессика.

Ответить взялся Бонадвентур.

– Человеку рано или поздно придется жить на Марсе, а значит придется испытывать на себе все прелести местных условий. Оставленные там на пять лет роботы должны дать ответ – справится ли с этим человеческий организм. Поэтому тактильные ощущения марсианских роботов должны быть максимально приближены к человеческим.

Джессика подозрительно покосилась на собеседников.

– Вы мне что-то недоговариваете...

Бонадвентур с Ли переглянулись и улыбнулись. Им явно польстило, что их собеседница оказалась столь сообразительной.

– Неуязвимые роботы на Марсе людям не нужны! – произнесли они почти одновременно.

– А поточнее...

– Марсианская колония неуязвимых роботов – это слишком опасно для человечества. Кто знает, что взбредет им в микросхемы за пять лет автономии? Поэтому роботы должны испытывать равные человеку ощущения, в том числе и болевые. Болевой шок от попадания пули или иного предмета в тело, простите – в болванку, должен приводить к смерти, то бишь к полному выходу из строя их материнской платы, – пояснил Ли. – Таков главный пункт нашего технического задания. По сути, именно этим мы здесь и занимаемся. Мы убиваем роботов.

Джессика вздрогнула.

– И как успехи?..

– С каждым днем все лучше, – ответил Ли, заглянув в находящуюся у него в руках папку. – Коэффициент вывода из строя полгода назад был на уровне 20 %, на сегодняшний день уже 44 %.

– А что по этому поводу говорят сами роботы?

Ли сочувственно посмотрел на собеседницу.

– Видимо, в вашем доме есть роботы-помощники, наделенные имитаторами чувств и визуально похожие на людей, – предположил он.

Джессика кивнула:

– Няня, горничные, садовники... Всего их семь. К ним же привязываешься, как к людям.

Ли показал пальцем в угол лаборатории и сказал:

– Вон там у нас гидравлический пресс. После испытаний болванку тут же утилизируют.

– Я не спрашивала о таких подробностях, – заявила Джессика, поморщившись словно от боли.

– «К ним привязываешься, как к людям», – Ли повторил слова Джессики. – Это распространенная человеческая ошибка. Все из-за того, что большинство производителей стараются делать роботов внешне максимально похожими на людей.

– А как выглядят ваши, как там вы их называете, – болванки?..

– Наши похожи на людей лишь отдаленно. Руки, ноги, голова, туловище, но без отделки. Стандартная болванка от «Кибердайн Системс». Внутри металл, углепластик, композитные материалы, микросхемы. Оболочка – сверхчувствительный латекс и искусственная кожа. Материнская плата расположена в районе солнечного сплетения... «Душа ее прямо в желудке», – зачем-то процитировал слова известной песенки Ли.

Джессика осуждающе посмотрела на собеседников.

– Просим прощения за цинизм, – извинился за помощника и за себя Бонадвентур. – Мы здесь привыкли к тому, что машина – всего лишь машина. Ой...

Бонадвентур осекся, потому что это тоже был отрывок из той же самой песенки.

Джессика вдруг чуть слышно запела:

*Машина – всего лишь машина,
Любить ее нету причины,
Не стоит дарить незабудки —
Душа ее прямо в желудке.*

– А ведь многим роботы заменяют друзей, близких, даже родителей, – грустно сказала Джессика.

– Извините, если чем-то обидели, – произнес Бонадвентур. – Нам сложно очеловечивать роботов, ведь мы знаем их ассемблер.

Джессика вдруг словно током ударило.

– Ассемблер?.. – повторила она.

Бонадвентур и Ли удивленно переглянулись.

– Да, ассемблер...

– Что это? Расскажите, – попросила Джессика.

Ее лицо покраснелось. По всему было видно, что собеседница сильно взволнована.

– Ассемблер – транслятор программного кода. Многие программисты в шутку называют его душой машины, – произнес Ли.

Заинтересованный взгляд Джессики явно требовал дальнейших разъяснений.

– Ассемблер – старый и почти забытый язык программирования, нечто промежуточное между машинными кодами и языками третьего поколения. Вы про фортран, кобол, паскаль что-нибудь слышали?

Джессика неуверенно кивнула.

– Ну это такие языки программирования. Так вот ассемблер среди них – ископаемое. Как язык первобытного человека. Но именно он ближе всего к машинным кодам. Именно он находится на короткой ноге со всеми этими бесконечным ноликами и единицами, что появляются на экране, когда компьютер зависает и пишет фразу типа «что-то пошло не так».

– Первобытный код, – попыталась сформулировать Джессика.

– Похоже на то... Это как первый осмысленный звук из уст младенца, – улыбнувшись, сказал Бонадвентур.

– Чему вы улыбаетесь? – спросила Джессика.

– Да так, вспомнил кое-что из юности...

– Расскажите, прошу вас!

Джессика зачем-то полезла в свою сумочку, словно что-то в ней проверяя.

В последнем классе школы, еще в Советском Союзе, я ходил на курсы программирования в учебно-производственный комбинат, сокращенно УПК. Все тогда были обязаны ходить в УПК. Я мечтал там выучиться на водителя, но непонятно как угодил в программисты. Вначале я сидел на занятиях и ни черта не понимал. Все эти перфокарты, перфоленты, электронно-вычислительные машины размером с дом... До сих пор помню лампового монстра по преобразованию первичного кода – машину «Роботрон 17–20». Сколько нервов она мне испортила, сколько перфокарт требовалось в нее впихнуть, чтобы прописать то, что сейчас делается одним кликом! Программирование казалось мне скучным, неинтересным. Все изменилось, когда мы стали изучать ассемблер. Всех этот язык бесил. Всем хотелось работать на популярном тогда фортране, ну или на бейсике. Но меня поразило именно ассемблер. Казалось, что заглядываешь в мозг матрице, разговариваешь с Богом. Возможно, именно тогда я выбрал себе профессию и в конечном итоге оказался здесь. Кстати, когда-то я даже выпустил учебник «Ассемблер для начинающих».

– А вы помните кого-то из ваших школьных друзей, тех, кто тогда учился вместе с вами в этом УПК? – спросила Джессика.

– Друзей, – удивился Бонадвентур, – помню конечно. Мы дружим до сих пор. Все, между прочим, стали неплохими программистами. Илюха Шульман и Дима Казанков сейчас в Гугле на топовых должностях. Толик Волков в Москве большая шишка в Академии Наук. Ну и, конечно же, наша главная звезда Софья Касперская...

– Та самая?..

– Та самая...

Джессика почему-то облегченно вздохнула. Выглядело это так, будто с ее плеч свалился тяжкий груз. Она вновь порылась в своей сумочке, затем взглянула на часы и неожиданно произнесла:

– Знаете что, я, пожалуй, не стану наблюдать за убийством очередного робота. У меня скоро деловая встреча. Отправляюсь на нее. О том, как прошел ваш великий эксперимент, расскажете завтра. Хорошо?

– Хорошо, – согласились Бонадвентур и Ли.

– Можете не провожать, я помню, где выход, – сказала Джессика и быстро прошмыгнула за дверь.

– Комбинезон! – крикнули они одновременно, но та их уже не слышала.

Выращивать фиалки и нянчить внуков

– Что это на вас надето?

Генерал Скотт сидел за рулем черного внедорожника и удивленно таращился на открывшую дверь пассажирку.

– Черт, забыла снять комбинезон, – погружаясь в автомобиль, сказала Джессика.

– Там что, зона заражения? – спросил генерал.

– Дроны-вампиры, реагирующие на тепло человеческого тела...

Лицо генерала окаменело.

– Шутка, – сказала Джессика.

– А жаль, – генерал покачал головой. – Идея мне нравится.

– Мне тоже, – поддержала Джессика, пытаясь стащить с себя комбинезон.

– Оставьте, потом снимете. Расскажите лучше, как там дела?

– А вы разве не слышали? У меня же был включен коммуникатор.

Слушать в прямом эфире было бы слишком глупо, – отмахнулся генерал. – Сигнал могли засечь и отследить. Расскажите лучше о ваших ощущениях. Кто, на ваш взгляд, все организовал? Это сделал он – Петров?

Джессика покачала головой:

– Сильно сомневаюсь. Думаю, он на такое не способен. А вот его друзья вполне. Все они с именами, с возможностями, есть среди них и настоящие звезды, например Софья Касперская...

– Та самая?

– Та самая...

– Интересно, как они это сделали и главное – зачем?

– Могли ради шутки.

– Такое! Ради шутки! – вскипел генерал.

– Русские! – улыбнувшись сказала Джессика. – Вы говорили, у Петрова скоро день рождения. Так вот эта ситуация вполне может оказаться веселым розыгрышем – подарком друзей ко дню рождения.

– Забавная версия. Но я думаю, что это сделал Петров, – заявил генерал. – Кто он был до недавнего времени – так, программист средней руки и мелкий хакер. Шестнадцать лет назад привлекался за взлом системы управления дорожным движением. Хотел перенастроить светофоры в своем районе, чтобы ему по дороге на работу всегда горел зеленый. Сомнительное достижение! Ну а сейчас – совсем другое дело! Я бы сказал – переход в высшую лигу!

– Думаете, подобный переполох лишь из-за того, что этот ваш Петров хотел подняться в хакерском рейтинге?

Генерал резко остановил машину.

– Это, между прочим, не наш Петров, а ваш. Напомню, что он работает в «Уотсон Индастриз». Не знаю, чего он там хотел, но теперь из-за этого вашего хакера недоделанного или из-за его шизанутых друзей я вынужден стать членом секретного оперативного штаба при Министерстве обороны, общаться с чиновниками из Госдепа, ЦРУшниками и еще какими-то спецagентами из организаций, названия которых даже выговорить страшно. Я старый генерал службы безопасности NASA, которому скоро на пенсию. А сейчас, чует мое сердце, я влип в какую-то мутную историю из тех, что в блокбастерах показывают, ну там, где мир в опасности и скоро все умрут! Так вот, я не хочу спасать мир, не хочу в супергерои, не хочу общаться с пришельцами или изгонять дьявола и уж точно не хочу умирать! Я хочу выращивать фиалки на ферме и нянчить внуков.

Генерал, хлопнув дверцей, вышел.

– По-моему, вы зря расстраиваетесь, – попыталась успокоить его Джессика. – А где это мы?

– В двух шагах от сверхсекретного оперативного штаба, чтоб его... Вы, кстати, теперь тоже член штаба. Вам еще надо подписать бумаги о неразглашении и все такое...

– Вот еще, – возмутилась Джессика. – Я согласилась поговорить с Петровым и записать разговор – на этом все. Никаким членом штаба я быть не соглашалась.

– Тогда вас придется ликвидировать, – как ни в чем не бывало произнес генерал.

– Как?..

– Как – не знаю. Это спросите вон у того парня, что идет нам навстречу. Он из какой-то спецслужбы с пугающим названием, которого я не запомнил и даже не собираюсь. Сегодня утром на совещании он так и сказал: «Кто не согласен сотрудничать, того придется ликвидировать». А каким образом, он не уточнил.

Джессика посмотрела на генерала. Тот расплылся в широченной улыбке – настолько ему понравился собственный черный юмор.

«Старый козел», – огрызнулась Джессика, пока что мысленно.

Вслух же она сказала другое:

– А почему сверхсекретный штаб так близко от лаборатории Петрова? Всего в паре кварталов?

– Чтобы мы могли оперативно реагировать в случае возникновения экстренной ситуации, – ответил за генерала представитель спецслужб. – Пройдемте в штаб. Там вас ждут.

Стальной голос представителя спецслужб был таков, что спрашивать о чем-то или спорить было бесполезно и небезопасно.

«Неужели робот, – мелькнуло в голове Джессики. – Не может быть. Это же запрещено...»

– Для тех, кто присоединился к нашему штабу только сейчас и еще не введен в курс дела, сообщаю следующее. Вчера вечером в 20.46 случилось нечто экстраординарное. Исследовательские зонды и астрономические лаборатории зафиксировали падение крупного метеорита на поверхность Марса. Метеорит упал в уже имеющийся ударный кратер Гюйгенс. Это самый большой марсианский кратер размером 467 километров. Сейчас размер кратера стал в полтора раза больше. Точнее можно будет определить, когда гигантское облако пыли и пепла, вызванное страшным ударом, осядет.

– Слышали в новостях. А говорят еще, что снаряд дважды в одну воронку не падает, – пошутил кто-то за столом, но ответной реакции не последовало.

Докладчик сухо продолжил:

– Напомню, что Гюйгенс – это тот самый кратер, в котором марсоходы обнаружили разветвленные каналы. Как вы помните, существование каналов стало основанием полагать, что на поверхности Марса когда-то была вода, а значит существовали простейшие микроорганизмы. Но речь сейчас не об этом. Речь о том, что никаких каналов больше нет, а запланированная экспедиция на Марс под угрозой срыва. Даже предположить страшно, что могло случиться, если бы мы послали экспедицию два года тому назад, как планировали ранее. Как вы понимаете – все бы сейчас погибли...

Докладчик поднял со стола стакан с водой и жадно осушил его.

– Но на этом странности не закончились. Спустя несколько минут после удара метеорита с Марса в сторону Земли был послан сигнал. Спутники связи и все основные обсерватории зафиксировали сигнал всего через полтора часа после удара метеорита о поверхность Марса. Сигнал оказался многослойный. Первый слой наши специалисты довольно быстро расшифровали. Он состоит из единиц и нулей. На языке программистов данный набор называется машинными кодами. В нашем случае мы имеем дело с чуть более сложной версией – так называемым языком программирования второго поколения – ассемблером.

Докладчик перевел дух и продолжил:

– В общем, мы столкнулись с необычным явлением, природу и смысл которого нам предстоит понять, причем срочно. Удержать подобное в тайне вряд ли удастся. Слишком много станций и радиолюбителей зафиксировало данный сигнал. Скоро кто-то помимо нас его расшифрует и придаст огласке. Нам необходимо установить истину до того момента, пока информация просочится в прессу и мир сойдет с ума.

– А что в сообщении? – спросил кто-то несведущий.

– Всего три слова...

Бонадвентур. Петров. Ассемблер

– Бонадвентур. Петров. Ассемблер!

– Этого не может быть...

– Я тебе точно говорю – всего три слова. Мне об этом сообщили из нашего австралийского офиса. Сигнал зафиксировали вчера вечером. За ночь декодировали. Затем с десятков раз перепроверили. Ошибки быть не может, там лишь эти три слова: «Бонадвентур. Петров. Ассемблер».

– Я все понял. Это шутка, розыгрыш, да?.. Спасибо, конечно, но день рождения у меня не сегодня. Рановато для подарка!

– Розыгрыш космического масштаба! Согласись, такое даже для нас слишком круто. В общем, я тебя предупредила...

Бонадвентур тяжело вздохнул, а в коммуникаторе послышались знакомые щелчки.

– Слышала? – спросил он свою собеседницу Софью Касперскую, звонившую откуда-то то из Азии.

– Что именно?

– Щелчки!

– Я в пустыне, здесь может быть все что угодно.

– Эти щелчки преследуют меня с самого утра...

– Скоро тебя будут преследовать не только щелчки, – пошутила Софья.

– В смысле?

– Как только содержание сигнала попадет в прессу – тебя объявят либо мессией, либо террористом, либо мошенником. Все разведки мира обложат тебя со всех сторон, если уже не обложили... Кстати, тебе еще никто не звонил, ну там из Вашингтона, Пентагона или какого-нибудь АНБ?

– Нет, – ответил Бонадвентур, а сам вспомнил неожиданный визит Джессики Уотсон из офиса в Вашингтоне. – Если вдруг позвонят, я тебе сразу же сообщу.

– Еще чего! Даже не думай! – резко ответила Софья. – Не хватало, чтобы моя компания попала под колпак спецслужб. Ты же сам знаешь: чуть где-то хакерство или утечка информации – они сразу к нам с проверкой. А тут такой подарочек – сигнал с Марса! Ха-ха! Да они под это дело все базы вскроют, все конкурентные продукты стырят... Давай так. Я тебе сейчас сброшу контакты отличной адвокатской конторы. Эти ребята из Нью-Йорка. Очень крутые. Год назад, помнишь, было шумное дело с правами на новый антивирусный пакет? Так вот – это они тогда выиграли для нас дело. Найми их прямо сейчас, пока не началось...

– Что началось? – прервал Бонадвентур. – Я вообще не имею к этому никакого отношения. Даже если это не шутка и сигнал есть – он не про меня. Сколько на свете Петровых. Шпионский скандал помнишь, ну там, где отравили кого-то? Может, это тот самый Петров? При чем здесь я?

– Погугли в интернете на тему трех слов: «Бонадвентур. Петров. Ассемблер». Все увидишь сам. В выдаче ты первый. Все этот твой учебник «Ассемблер для начинающих».

– Да при чем здесь выдача в поисковиках? Когда это интернет стал главным источником информации для спецслужб? И, вообще, – ты что, правда веришь, что я это сделал? А как? Послал спутник на Марс?

По ту сторону связи возникла небольшая заминка. Затем Софья продолжила голосом мечтательным, но одновременно каким-то сухим, чеканящим:

– Помнишь, как в детстве мы в шутку называли тебя Боно? А ты тогда обижался, говорил: «Хватит сравнивать меня с каким-то волосатым рокером». А мы еще тебе в ответ: «Дурачок, этого рокера во всем мире знают». Я много видела твоих чудачеств, но сейчас... Нет никакой

разницы – ты это сделал или нет. Ты мой друг и ничто этого не изменит. Пойми важную вещь – совсем скоро ты станешь как Боно, а может и покруче. О тебе точно узнает весь мир! Вот только...

Голос Софьи Касперской стал еще более жестким и акцентированным:

– Вот только... как говорил мой покойный папа-адвокат: когда возникает что-то непонятное – время нанимать хороших юристов. А в твоём случае, как мне кажется, это надо делать срочно. Пока тебя не утащили куда-нибудь в Гуантанама и не препарировали твой мозг где-нибудь в подземной лаборатории. Потому что – если это сделал ты – то это пи...ц как круто, а если не ты – то это пи...ц как страшно! Ты меня хорошо понял?..

Из уст утонченной Софьи русский мат звучал настолько убедительно, что Бонадвентур даже не думал сомневаться или спорить.

– Как думаешь – сколько у меня времени? – спросил он.

– Считанные часы, – ответила Софья.

Бонадвентур прервал связь, открыл в коммуникаторе присланный Софьей контакт и написал сообщение:

«Мое имя Бонадвентур Петров. Обращаюсь по рекомендации Софьи Касперской. Нужна ваша помощь».

В этот момент в помещение ворвался помощник Ли. Его лицо и одежда были перепачканы чем-то зеленым.

– В лаборатории № 3 – ЧП, – сказал Ли, стяхивая с себя ошметки зеленой слизи.

Бонадвентур узнал в ошметках внутренности робота.

– Ого, вы пробрили обшивку?..

– Мы разнесли болванку в клочья! – воскликнул Ли.

Лаборатория тактильности номер три напоминала шабаш грудничков, добравшихся до банок с зеленкой. Зеленым был даже потолок.

– Какова мощность?

– Не смогли измерить, шкалы не хватило, – почему-то шепотом произнес Ли.

– А где тело робота?

– Везде, – Ли обвел взглядом все внутреннее пространство лаборатории. – Болванку раздробило на тысячи кусочков и разметало по стенам.

– А материнская плата?

Ли продемонстрировал свою ладонь, на которой лежало несколько мелких черных обломков.

– Мы нашли шесть кусочков, где остальное – пока неизвестно. Думаю, обнаружим, только когда все соберем и просеем через сито. Ну или отожмем тряпками в ведро. Я даже не знаю, как это все собрать...

– Так значит, у нас получилось...

– Выходит, что получилось, – согласился Ли. – Только, похоже, мы зашли не с того конца. В техзадании не было сказано изобрести адскую бомбу...

– Да уж, – согласился Бонадвентур. – Вместо того чтобы уменьшить защитные свойства роботов, мы выдумали какой-то жуткий способ их уничтожать. А каков был носитель?

– Пуля.

– Пуля?..

– Да, обычная девятимиллиметровая пуля с разрывным сердечником. Только вместо разрывного порохового заряда в сердечнике было что-то другое.

– И что же?

Ли как-то странно улыбнулся.

– Надо спросить у Моники...

– Какой Моники?

– У вашей Моники. Ваш компьютер просил его называть теперь именно так...

Ли показал рукой на центральную консоль управления, куда в штекер транслятора была воткнута материнская плата с оранжевой полосой посередине. Оранжевая полоса означала, что данная плата используется кем-то из сотрудников лаборатории в качестве личного помощника. Подобные переносные устройства размером с небольшой смартфон использовали те, кто не заморачивался с внешним видом своих помощников, не очеловечивал их.

«А как она сюда попала?» – хотел было спросить Бонадвентур, но решил промолчать и освежить собственные «файлы памяти».

Почему-то снова вспомнился прощальный взгляд мамы и это ее «шапку надень». Затем он вспомнил поездку в машине, где дал этой черной коробке с оранжевой полосой имя Моника. Потом была встреча с Джессикой Уотсон и эксперимент в лаборатории № 1. Так себе эксперимент, ничего экстраординарного. Моника, тьфу, материнская плата все время лежала в кармане. Затем он подключил ее через блютуз к основному серверу и дал задание – проанализировать результаты последней серии экспериментов в лаборатории № 1. Поручил найти способы улучшить результаты. Спустя минут двадцать Моника прислала на коммуникатор сообщение, что оптимальный вариант найден. Затем спросила разрешения на тестовое испытание в лаборатории № 3, где есть готовая болванка. И он его, это разрешение, кажется, дал. Или не дал?..

Последнего он точно не помнил. Но ведь не могла же материнская плата провести эксперимент самостоятельно!

«Восстание машин, – мысленно улыбнулся Бонадвентур. – А еще и сигнал с Марса! И вся эта хрень в один день! Да черта с два! Это ж не мультфильм, это реальная жизнь».

С этой самой мыслью он вынул из консоли управления материнскую плату по имени Моника и направился в свой кабинет.

Помощнику Ли он велел оставаться в лаборатории, соскрести со стен зеленые останки.

Едва войдя внутрь кабинета, Бонадвентур законнектил Моника с кабинетным коммуникатором и спросил:

– Что было в той пуле? Назови состав...

В ответ прозвучали уже знакомые щелчки. Трескотня длилась с полминуты. Затем прорвался голос Моники.

– Этого в файлах нет.

– Хватит придуриваться. Что было в сердечнике пули?

– Этого в файлах нет.

– Требую применить протокол «Глубокий поиск». Снять все ограничения на файлообмен, – приказал Бонадвентур.

Снова что-то захрустело, защелкало, а затем последовал неожиданный ответ:

– Вы велели заархивировать и засекретить данные.

– Я велел? Какого черта? Я даже не помню, чтобы давал добро на эксперимент.

– В моих файлах четко прописан регламент. Без вашего разрешения подобные действия недопустимы. Разрешение на эксперимент было получено в четырнадцать сорок семь. Воспроизвести?

– Воспроизведи!

Бонадвентур четко услышал запрос Моники на проведение эксперимента и свой положительный ответ. Затем, как и требовали инструкции, Моника повторила запрос еще раз, и он снова дал разрешение.

«Что за провалы в памяти? – испугался Бонадвентур. – Теперь получается, что «по моему велению, по моему хотению» на свет божий появилось какое-то новое оружие страшной разрушительной мощи, о котором я ничего не помню».

– Ты говорила о щелчках как о сигналах неизвестной природы. Проанализируй свои файлы на взлом, – приказал Бонадвентур.

– Взлома не было. Приказ отдан вами.

– Почему я этого не помню?

– Провалы в памяти – одна из особенностей работы человеческого мозга. В подавляющем большинстве случаев это спонтанная нейронная реакция, защищающая от информации, которая может причинить непоправимую боль...

– Прекрати цитировать медицинскую энциклопедию. Мне нужны неформальные объяснения.

– Этого в файлах нет...

– Тьфу на тебя... Искусственный интеллект, называется! – Бонадвентур достал из ящика бутылку виски и налил граммов пятьдесят в лабораторную колбу. – Давай теперь без дураков – что там было в этой пуле? Ну, я слушаю...

– Повторяю, информация засекречена. Вы сами отдали приказ, применив протокол «Кодовая фраза». Теперь, чтобы информация вновь стала открытой, вы должны эту кодовую фразу назвать.

– Чертовщина, бред какой-то! Тебя что – утилизировать?

– Я понимаю ваше эмоциональное состояние. Но вы сами велели мне сохранить информацию в тайне. Сами велели применить особый протокол безопасности. Назовите кодовую фразу и получите ответ. Вы же не могли ее окончательно забыть? Попробуйте вспомнить.

– А сколько в этой фразе было слов?

– Я не могу давать подсказки.

– Ну хотя бы время, когда я это сделал, и место. Чтобы я мог посмотреть записи с камер наблюдений.

– Напоминаю, когда применяется особый протокол безопасности, то все записи с камер наблюдения за последние три дня стираются.

На лбу у Бонадвентура выступил холодный пот. Он налил в колбу еще. Затем еще – почти до краев.

– Ну и денек сегодня. Ты хочешь сказать, что все, что тут происходило за последние три дня, стерто?

– Да. Все видео-и аудиофайлы стерты.

– И это велел сделать – я?

– Да.

– Да что ж это за бред такой!

Бонадвентур вдруг почувствовал, как ослабевают колени. Он вспомнил звонок Софьи Касперской, эту дурацкую историю с марсианским сигналом. Теперь, если вдруг понадобится алиби или какое-то объяснение произошедшему, сделать это будет невозможно. Все файлы стерты. Единственный свидетель, который у него есть, – это Моника. А память ее зашифрована им же самим и фразой, которую он – хоть убей – не помнит.

– Вот попал!..

Бонадвентур опрокинул содержимое колбы в рот и буквально рухнул в оказавшееся под ногами кресло на колесиках.

Он зажмурил глаза и в голове вдруг возникла фантазмагорическая картина того, как он пробирается на космодром, проникает в космический корабль и запихивает в один из марсоходов передатчик. Там в передатчике очень важное сообщение для человечества.

– Слушайте, жители Земли, и не говорите, что не слышали! – нараспев и по-русски произнес он. – Идите в жопу с моей Красной планеты! Куда вас на х... занесло! Вон отсюда! Пошли вон...

– О-о-о, мы давно не общались по-русски, а мне очень нравится русский язык, – вдруг сказала Моника.

Бонадвентур словно очнулся. Он понял, что произнес последние слова не в мыслях, а вслух.

– Подожди-ка! Я, кажется, вспомнил кодовую фразу. А ну слушай...

– Слушаю.

– Кодовая фраза: «Бонадвентур. Петров. Ассемблер».

– Неправильно, – ответила Моника.

– Кодовая фраза: «Бонадвентур. Петров. Ассемблер», – сказал он еще раз, но уже с русским акцентом.

– Неправильно, – снова ответила Моника.

– Да чтоб тебя...

Бонадвентур подкатился на кресле к центральному монитору кабинетного компьютера, набрал на клавиатуре: «Особый протокол безопасности. Раздел: «Кодовая фраза».

Экран выдал нужный параграф, и он стал внимательно вчитываться в инструкции. Чтение давалось с трудом. Алкоголь разошелся по венам, голова стала тяжелой.

– А вы уверены, что к данной задаче нужен стандартный подход? – спросила вдруг Моника.

«А вы уверены, что к данной задаче нужен стандартный подход? – словно эхом отдалось в голове. – Э-э-э-э, Моника! Я уже слышал сегодня эту фразу от тебя, бестолковая ты железяка! Сейчас вспомню где... Кажется, в машине, когда мы говорили про маму, про ее болезнь. Значит и кодовая фраза где-то близко. Еще немного, и я ее вспомню».

Бонадвентур вновь потянулся за бутылкой, но вдруг услышал строгий голос Моника:

– Вам более пить нельзя!

– Это еще кто там жужжит?

– Вам более пить нельзя, – повторила Моника. – Ранее при аналогично выпитом объеме алкоголя у вас наблюдался длительный рвотный эффект.

– Тогда скажи мне кодовое слово, и я не буду больше пить!

– Я не понимаю взаимосвязи...

– Не понимает она взаимосвязи! Это потому что ты глупая железяка, а не человек, – уже слегка заплетающимся языком сказал Бонадвентур и громко запел:

*Машина – всего лишь машина,
Любить ее нету причины,
Не стоит дарить незабудки —
Душа ее прямо в желудке.*

– Это не кодовая фраза, – сказала Моника.

– Понятно, что не кодовая... Это песня, дура...

– Вы стали разговаривать со мной, словно с женщиной. Означает ли это, что вы окончательно определились с выбором и готовы воспринимать мою поведенческую модель как женскую?

– Да черт с тобой – будь женщиной.

– Принято, – почему-то обрадовалась Моника. – А можно спросить, про что эта песня?

– Понятия не имею. Просто песня. Вспомнилась под настроение. Привязчивая – жуть!

Бонадвентур замотал головой, словно от наваждения.

– И, кстати, если базовые настройки женские – это вовсе не означает, что надо задавать глупые вопросы и изображать из себя блондинку. Символический смысл фразы «изображать блондинку» хорошо понятен?

– В моих файлах достаточно информации на данную тему.

Голос Моники стал более деловым.

– Совсем другое дело! – похвалил Бонадвентур.

– У меня есть еще один важный вопрос. В песне поется: «Душа ее прямо в желудке».

Почему материнская плата роботов метафорически сравнивается с душой, мне понятно. Непонятна схема размещения «души», то есть материнской платы. Почему она на уровне желудка. Намного логичней и практичней было бы разместить материнскую плату в голове. Я пришла к такому выводу, когда выполняла поручение по поиску способа нанесения максимального урона болванке номер 944. Если бы ее материнская плата находилась в голове, фатальный урон можно было бы нанести на три целых и семь сотых процента легче.

Бонадвентур прекрасно знал ответ «почему». Он помнил то жаркое заседание на Международном конгрессе робототехники, в котором ему довелось участвовать почти двадцать лет тому назад. Именно там он выступил с докладом, именно там получил предложение жить и работать в США. На конгрессе тогда кипели нешуточные страсти. Несколько религиозных деятелей буквально восстали по поводу ограничений в правилах размещения материнских плат роботов. Священнослужители были категорически против очеловечивания машин не только снаружи, но и внутри. В итоге в голове и в области сердца размещать материнские платы было запрещено. Желудок – вот то место, которое было выделено роботам под «душу».

– Не все в жизни имеет рациональное объяснение, – уклончиво ответил Бонадвентур.

Ему почему-то не хотелось говорить правду. Он вдруг заподозрил в вопросе Моники второе дно. Даже как-то немного протрезвел от этого.

Бонадвентур внимательно посмотрел на черную коробочку с оранжевой полосой, словно пытался высмотреть что-то, то ли эмоции, то ли реакцию на свой ответ.

«Вот это я напился», – пронеслось в голове.

– Вам не хватает визуального отклика, – словно подливая масла в огонь, отреагировала коробка по имени Моника. – На складе есть подходящая для меня болванка. Ее инвентарный номер 948. Если надумаете меня визуализировать... – щелк, щелк... – рекомендую выбрать именно ее.

«Все это так странно, – снова пронеслось в голове Бонадвентура. – Еще никто из материнских плат не выбирал под себя болванку сам. И, потом, где вообще она видела эти болванки?!»

Ответ не заставил себя долго ждать.

– Когда я готовила эксперимент, мне был дан доступ к базе данных всех складских помещений, – сообщила Моника. – В том числе и к складу с болванками. Изделие 948 – это самый оптимальный вариант. На ее основе мне будет максимально просто сконфигурировать соответствующую моему назначению внешность. Будьте уверены, результат вам понравится...

Голос Моники был сродни зову дьявола-искусителя.

Бонадвентур невольно попытался представить себе – какой именно видит себя Моника. Точнее, не так. Какой видит ее он. Ведь на основе анализа именно его предпочтений Моникой и была выбрана та самая болванка. Визуализация роботов в последние годы стала целой отраслью не только экономики, но и психиатрии. Покажи мне своего робота – и я скажу, кто ты...

Он вовсе не собирался превращаться в то жалкое подобие гомо-сапиенс, которые изговаривали себе говорящих кукол, отрывались от реального мира, от реальных людей, от реальных дел, сходя в итоге с ума. Он слишком хорошо знал, что «машина – всего лишь машина».

Додумать свой манифест до конца он не успел, в дверях возник взмыленный и помятый помощник Ли.

– Что там с останками? – спросил Бонадвентур, пока тот пытался отдышаться.

– Почти все собрали. Но у нас другая проблема – возле входа то ли полиция, то ли военные, – с дрожью в голосе сказал Ли. – Их много, и они вооружены. Как они узнали?

– О чем?

– Про эксперимент, про разорванного в клочья робота.

– Ах, про это, – Бонадвентур улыбнулся. Он-то был уверен, что весь этот военный парад совсем по другому поводу, по марсианскому.

– Нужна моя помощь? – спросила вдруг Моника.

– Похоже, помощь нужна тебе, – произнес Бонадвентур.

Каким-то молниеносным движением он отключил Моника, причем не только от коммуникатора, но и вообще от внешней среды.

Затем он посмотрел на помощника Ли.

«Моника нужно спрятать», – говорил взгляд Бонадвентура.

«Согласен, но куда?» – говорил взгляд Ли.

Мысль в голове пролетела словно пуля.

– В болванку! – выпалил вслух Бонадвентур.

– Гениально! – воскликнул Ли и, вырвав из рук начальника бесценную ношу, помчался на склад.

Бонадвентур вынул из ящика стола пустую материнскую плату, наклеил на нее оранжевую наклейку, воткнул в кабинетный коммуникатор и стал записывать туда всякую ерунду.

Через мгновение в кабинет ворвались люди с автоматами. Они сбили его со стула и повалили на пол. Кто-то с запахом чеснока изо рта, упершись коленом в спину, зачитывал права и надевал за спиной наручники.

Алкоголь оказался хорошим средством защиты от вооруженного нападения. Под парами все происходящее почему-то веселило, напоминая кадры дешевой киношки.

«Интересно, какой номер болванки выберет Ли?» – почему-то думал Бонадвентур.

Убить пророка

– Ну все, понеслось! Какой-то бородатый чудила назвал его пророком! Так что ваше предложение, полковник, «быстренько ликвидировать проблему» уже не пройдет, – чуть посмеиваясь, заявил генерал Скотт.

Он положил свой коммуникатор на стол и внимательно посмотрел на полковника Айсмана.

– Не вижу ни малейших препятствий, – спокойно ответил Айсман. – Самоубийство – это их обычный финал!

– «Убить пророка» – так и вижу название на бродвейских афишах, – процедил сквозь зубы генерал Скотт. – Если собираетесь стать героем подобного шедевра – пожалуйста. Только без меня!

– Интересно, откуда утечка? – спросил кто-то из сидящих за столом.

– Да из новостей, давайте же мы их наконец включим, – предложила Джессика Уотсон. – Все равно каждый из нас то и дело глядит в свой коммуникатор.

– А почему все гаджеты не были сданы при входе? – грозно вопрошал полковник Айсман, но на него уже никто не обращал внимания.

Все глядели на экран висевшего на стене монитора. На экране ведущий новостных программ темпераментно зачитывал последнюю сводку о событии № 1 в мире:

«Многие задаются сейчас вопросом – что же это было? Послание инопланетной цивилизации, мошенничество века, розыгрыш или что-то еще? В нашем эфире вы услышите самые различные мнения – ученых, политиков, общественных деятелей, представителей духовенства. Напомним, что Белый дом и NASA пока отказываются от каких-либо комментариев, однако источники утверждают, что уже создан оперативный штаб по расследованию инцидента. Штаб возглавляет генерал Скотт. К сожалению, все попытки наших корреспондентов связаться с генералом Скоттом не увенчались успехом. Также не удалось связаться и с Бонадвентуром Петровым. Лаборатория, где он работал, сейчас находится под полицейским оцеплением. Как только у нас появятся новые данные, мы сразу же выйдем в прямой эфир. Ну а пока обратимся к личности человека, чье имя сейчас у всех на слуху...»

Итак, Бонадвентур Петров прибыл в США чуть более двадцати лет назад из России и построил довольно успешную карьеру. Работал программистом в Dell и Google, принимал участие в исследовательских программах концерна Robotics. Шесть лет назад поселился в Хьюстоне, открыл собственную исследовательскую лабораторию, которая тесно сотрудничает с концерном «Уотсон-Индастриз» и NASA. Несмотря на свои 45 лет, Петров никогда не был женат, однако около пяти лет встречался с одной из главных звезд Хьюстон-Гранд-Опера – оперной дивой Викторией Ручински. Они даже были помолвлены, но до свадьбы дело так и не дошло. Эксклюзивное интервью с Викторией Ручински вы увидите ровно в 20.00, и только на нашем канале, не пропустите...»

– В Хьюстоне есть опера? – удивился вслух полковник Айсман.

– Есть и балет, – на правах местного жителя ответил генерал Скотт. – Вообще, по количеству театров и концертных площадок Хьюстон второй после Нью-Йорка.

– Не знал, – признался Айсман. – Я из Анкориджа. Нам, северянам, кажется, что вся культурная жизнь останавливается на Гудзоне.

– Выдастся свободный вечерок – обязательно свожу всех в оперу, – пообещал генерал. – Если, конечно, не произойдет какой-нибудь апокалипсис и на Землю не высадятся зеленые человечки. Кстати, я ослышался или этот джентльмен из телевизора назвал меня начальником штаба?

– Кажется, да, – ответил кто-то.

– А какого черта? Нас здесь собрал полковник Айсман. Он из ЦРУ, ему и карты в руки...

– Простите, генерал, не успел предупредить, – произнес Айсман. – Честно говоря, я был уверен, что министр обороны уже сам позвонил вам. Даже не думал, что вы не в курсе.

Джессика Уотсон сидела рядом с генералом Скоттом и внимательно наблюдала за его лицом. Ей казалось, что генерал хитрит. Намеренно прикидывается простачком, делает вид, что не главный. А вся недавняя тирада про мечту «нянчить внуков и выращивать фиалки» – не более чем маскировка истинных намерений. Но зачем?

Поразмыслить над этим как следует не удалось. Внимание привлек экран, где мелькали новые кадры. Сначала это были фотографии Бонадventura Петрова, а затем появилось фото женщины – уже не молодой, но необыкновенно красивой. О таких обычно говорят «русская белая кость».

«Как нам стало известно, мать Бонадventura Петрова в данное время проживает в Хьюстоне в престижном районе Ривер-Оукс. Три года назад Петров перевез мать на постоянное место жительства из России в США. Случилось это сразу после того, как у нее был диагностирован рак. По рассказу соседней, сын навещает ее примерно через день. Последнее время она находится под наблюдением роботов-санитаров из сервисной медицинской службы. Данное обстоятельство, к сожалению, дает нам понять, что состояние ее здоровья далеко не идеально. Про отца Бонадventura Петрова известно мало. Он скончался более 30 лет назад. Других родственников у Петрова нет».

– А что сейчас с его мамой? Кто-нибудь знает подробности? – Джессика Уотсон обвела взглядом всех штабистов.

Их было восемь человек. Начальник штаба – генерал Скотт – из NASA. Полковник Айсман из ЦРУ. Майор Гаррисон из Пентагона. Бледного вида капитан Кенди из какой-то труднопроизносимой спецслужбы. Из гражданских, кроме Джессики, присутствовали два госдеповских клерка, Чак и Даг, кажется. Это было все, что она о них помнила. Восьмой штабист все время сидел у двери, позади остальных, и молчал. Он находился в полутьме и всегда так, чтобы не было видно лица. Джессика все сильнее подозревала в нем робота.

– Мама Бонадventura Петрова сейчас в своем доме под охраной, – уточнил самый осведомленный из всех полковник Айсман. – Там сейчас настоящий дурдом – куча журналистов, религиозных фанатиков и зевак. Возле дома Петрова, который неподалеку, то же самое.

– Так у нее рак?

– Злокачественная опухоль в мозгу. Одна из тех проклятых разновидностей, которые невозможно удалить или вылечить, – уточнил Айсман. – Врачи рассказали, когда он только перевез ее жить в США, немного помогла химиотерапия. Но ремиссия оказалась недолгой. В последнее время опухоль стала прогрессировать, пережимать нервные окончания. Из-за этого с ней то и дело случаются обмороки. Роботы-санитары в доме круглосуточно.

На глаза Джессики навернулись слезы. Она вспомнила о своем отце, который сейчас лежит без движения в Вашингтоне и медленно угасает.

– И что ее ждет? – с некоторой надеждой спросила Джессика.

Полковник покачал головой, словно отгоняя надежду.

– Ответ вы сами знаете...

– Как скоро?

– В любой момент...

В кабинете повисла тишина. Джессика вдруг осознала, что прикованный к постели отец может в любую минуту скончаться, а дочери даже нет рядом. Ее втянули в это странное дело, попросили помочь во имя великой цели, ради национальной безопасности. Но она свое дело уже сделала. Пора было как-то выпутываться из этой истории и лететь обратно в Вашингтон, к отцу.

Тишину вдруг прервал самый загадочный персонаж в помещении, тот, что был похож на робота.

– Эта ситуация с матерью Петрова многое объясняет. На почве ее смертельного недуга у Петрова могли возникнуть проблемы с психикой, – сказал тот голосом доктора, поставившего окончательный диагноз.

– А не слишком просто? – вяло посомневался Айсман.

– «Человеческое, слишком человеческое» – так говорил философ Ницше. Люди слишком сентиментальны! Портрет Петрова слишком очевиден. Психопат с технологиями, представляющий угрозу окружающим. Его нужно изолировать.

«Это не робот, это ястреб! – подумала Джессика. – Вояка, который за один только косой взгляд в сторону национального флага не задумываясь пристрелит. И с полковником Айсманом у них, похоже, полное единение».

Айсман в это время что-то активно писал в своем коммуникаторе. Затем он торжественно положил коммуникатор на стол и объявил:

– Похоже, у нас сейчас появится возможность во всем окончательно разобраться. Петрова ведут сюда...

Начальник штаба, генерал Скотт, хотел было что-то сказать, но Айсман показал взглядом на его коммуникатор. Взгляд означал примерно следующее: «Нужно вовремя читать сообщения от министра обороны». Был во взгляде и подтекст: «Ну и кто тут настоящий начальник штаба?»

Все заметно оживились, стали поудобней рассаживаться за столом, принимать важные позы. Ребята из Госдепа порядком нервничали.

– А что, Петров будет сидеть прямо здесь, среди нас? – спросил один из них.

– А вы думали, будет специальная комната и пуленепробиваемое стекло? – засмеялся полковник Айсман. – Не бойтесь, похоже, среди нас есть тот, кто стреляет не хуже боевого киборга.

Айсман бросил взгляд в сторону того, кто был похож на робота.

Тот в ответ продемонстрировал здоровенный пистолет и весело произнес:

– Так точно, сэр. Пусть только враг даст повод!

За этой шумихой и приготовлениями «враг» проник в помещение как-то уныло и обыденно. Петров появился в окружении двух самых обычных полицейских: долговязого и полного.

– Пожалуйста, вот вам ваш мессия! – пошутил полный полицейский, усаживая Бонадвентура Петрова на свободный стул.

– Воды, – сразу попросил «мессия», жадно взирая на несколько бутылочек минералки.

Один из госдеповских ребят нервно схватил бутылку, положил ее на стол и катнул в сторону Петрова. Бутылка до адресата не докатилась, застряв в середине пути.

Присутствующие невольно улыбнулись.

Так и не получив воды, Петров обвел всех томным взглядом и громко спросил:

– А где Тор?

– Кто?..

– Тор! – повторил он еще громче.

Все присутствующие переглянулись, пытаясь вспомнить, есть ли среди них человек с таким именем или фамилией.

– Тора, значит, не будет, – Петров сокрушенно покачал головой. – Ну а Железный человек? Или хотя бы Ник Фьюри?

Первой догадалась, в чем дело, и заулыбалась во весь рот Джессика Уотсон.

– Тор с Железным человеком полетели спасать мир, а за Ника Фьюри у нас здесь генерал Скотт, – сказала она.

Петров снова замотал головой, словно от наваждения.

– Э нет, так не пойдет! Я полдня проторчал в душном фургоне. Слушал радио. Там в новостях четко сказали: на сегодняшний момент русские хакеры и всякие там неконтролируемые изобретатели – главная угроза Америке, демократии и планете. И после всего этого вы говорите, что на моем допросе не будет ни Тора, ни Железного человека? Да это просто какой-то позор...

Тут все догадались, что пленник в стельку пьян.

– А где это он так нализался? – спросил генерал Скотт, обращаясь к полицейским.

– Таким мы его обнаружили в лаборатории, – сообщил долговязый полицейский. – Похоже, незадолго до нашего визита он залил в себя очень много виски. Потом три часа провел в полицейском фургоне. Потому что не было никаких указаний – куда же его надо доставить. Там от духоты, видимо, и развезло.

– В таком состоянии можно послать сигнал откуда угодно, не только с Марса! – пошутил полный полицейский, но его юмор не оценили.

– Вы можете быть свободны, – скомандовал полицейским генерал Скотт.

– А наручники? – спросил один из них.

Одновременно Петров поднял руки, демонстрируя на них браслеты:

– Да, а наручники?..

– Наручники пусть останутся, – сказал генерал. – Только ключи оставьте. Передайте их во-о-он тому господину с пистолетом, что сидит у входа.

Полицейские метнули взгляд на сидевшего в углу и, осознав что-то необычное, даже немислимое, застыли на месте.

– Сэр, похоже, у вас в помещении находится вооруженный киборг! – сказал долговязый полицейский.

– Похоже на то...

– Но это же запрещено «Основной конвенцией», – встрепенулся полный полицейский. – Мы будем вынуждены написать рапорт...

– Конечно, пишите рапорт, это ваш долг, – спокойно ответил генерал. – У нас тут особый случай, не попадающий под действие «Основной конвенции».

– А разве такие случаи существуют?

– Существуют, – произнес вдруг тот, что был похож на киборга. Он уже не сидел на стуле, а стоял возле одного из полицейских, протягивая к тому свою руку. Сейчас на свету было четко видно, что это не человек. Несмотря на высочайшее качество материалов, роботы довольно сильно отличались от людей. То было искусственно созданное ограничение, на страже которого стояла «Основная конвенция». Нарушать ее не мог ни один производитель машин.

– Что-то странное тут у вас творится, сэр! – высказался долговязый полицейский, бросая недобрый взгляд на генерала Скотта и нехотя отдавая ключи от наручников киборгу.

Уже на выходе оба полицейских обернулись и с жалостью посмотрели на того, кого сюда привели.

«Ну ты уж как-нибудь держись!» – говорили их взгляды. Эти их взгляды уловили и разделили все присутствующие. Все, кроме одного.

– Господин Петров просил позвать Железного человека. И он пришел! – попытался пошутить тот, кто совсем недавно был всего лишь похож на киборга, а в реальности им и оказался.

Подойдя к Бонадвентуру Петрову и глядя тому прямо в лицо, киборг произнес:

– Внутри я в основном из железа. Хотя вам ли объяснять! Вы же убили столько моих собратьев, что знаете это лучше всех. Сколько их всего было – помните? В документах сказано – 944.

– Это были болванки, – ответил вмиг протрезвевший Петров.

– Ух ты, какое словечко! – криво усмехнулся киборг. Улыбка всегда была слабым звеном военной робототехники. – Интересно, что говорят те ученые, которые убивают человеческие эмбрионы? Какое слово-заменитель есть у них?

– Гарри, прекрати! Сядь на место! – скомандовал генерал Скотт.

Киборг покинул освещенное место и снова ушел в тень. С именем Гарри он казался еще страшнее.

Все молча смотрели на генерала Скотта. Произошедшее требовало не меньших объяснений, чем сигнал с Марса.

Генерал понял это и заговорил:

– «Основная конвенция», как вы знаете, – это основной закон, регламентирующий все возможные аспекты взаимодействия человека и искусственного интеллекта. По сути – это разного рода ограничения и табу, например, на право ношения роботами оружия, на развитие их органов чувств. «Машина должна всегда оставаться машиной» – так, кажется, в песне поется! В общем, все делалось для того, чтобы человек случайно или целенаправленно не создал искусственного бога, чтобы машины не восстали, чтобы безопасность человечества не подвергалась угрозе со стороны роботов. Но что делать в том случае, когда опасность исходит не от машин? Что, если угроза имеет инопланетный характер? Достаточно ли человеческого мозга, чтобы противостоять подобным вызовам?

Генерал обвел окружающих взглядом человека, собиравшегося сказать нечто сверх, сверх и еще раз сверхсекретное.

«Сейчас его уста выплунут те самые бумаги о неразглашении, которые нужно будет подписать, и это изменит обычную жизнь навсегда», – догадалась Джессика Уотсон.

– Двадцать лет назад одновременно с «Основной конвенцией» было заключено тайное межправительственное соглашение, – сообщил генерал. – Согласно ему при космических агентствах нескольких стран были созданы небольшие охранные подразделения, в которых служат исключительно киборги. Так вот, Гарри – один из них.

Первым к новости адаптировался полковник Айсман.

– Ай да NASA! А я все думал, чего это их бюджет как на дрожжах растет! – смеясь сказал он. – Небось уже целую армию наклепали. Ну и сколько же киборгов у вас под ружьем?

– Достаточно количество, – уклонился от прямого ответа генерал. – И, надеюсь, всем присутствующим понятно, что ни о Гарри, ни о спецподразделении киборгов распространяться нельзя. Все подписали документы о неразглашении.

Генерал покосился на пока еще не подписавшую бумаги Джессике.

«Да помню я, помню», – ответил ее взгляд.

Затем генерал грозно взглянул на человека в наручниках.

Петров кивнул.

– Я все понял – Тора нет. Есть Железный человек. Но и его как бы не существует.

Шутка прозвучала вовремя. Обстановку точно следовало немного разрядить. Новость о существовании тайного отряда боевых машин ни у кого из людей не вызвала прилива радости. Слишком свеж в памяти человечества был «Сицилийский апельсин» – кровавый конфликт, где в схватке со взбесившимися бойцами робо-спецназа на Сицилии погибли сотни людей.

Более всего удивлялась происходящему Джессика Уотсон. Она уже давно подозревала генерала Скотта в наличии второго дна, но даже не думала, что дно так глубоко. Киборг Гарри, судя по всему, был личным помощником генерала, готовым выполнить любой приказ, в том числе приказ на убийство, без тени сомнений и сожалений.

«А кто не согласен, того придется ликвидировать», – вспомнила она слова генерала, сказанные им на стоянке несколько часов назад.

Джессика присмотрелась к генералу внимательней.

Брови, волосы, кожа, глаза, зрачки... Вроде бы все настоящее. Кто вы, генерал Скотт? Киборг? Человек? Или человеческое отродье, для которого чужие жизни ничего не стоят?..

Генерал Скотт тоже пристально смотрел на Джессику. Он явно хотел что-то сказать, но в дверь вдруг решительно постучали.

– Кто там? – спросил Скотт.

– Полиция, сэр, и адвокат Петрова.

– Кто-о-о?..

Дверь распахнулась, и в помещение торжественно вошла женщина лет тридцати в брючном костюме чернее черного, рубашке белее белого, галстукe краснее красного – все это дополняли каштановые волосы, сбитые в тугий пучок, и походка пантеры перед броском...

– Кто здесь Бонадвентур Петров? – спросила женщина.

– Я, – поднял руки человек в наручниках.

– Отлично. Рада сообщить, что вы мой клиент и я пришла, чтобы вас отсюда немедленно забрать.

– Как забрать? Куда забрать? – не понял генерал Скотт. – У нас здесь специальное расследование, между прочим, он нам нужен!

– Ух ты! – обрадовалась адвокат. – Тогда расскажите, пожалуйста, в связи с чем в отношении моего подзащитного проводится специальное расследование, в чем именно его подозревают? Если же он имеет иной статус в вашем расследовании – потрудитесь, пожалуйста, данный статус сформулировать. Еще хотелось бы узнать – почему он доставлен сюда помимо своей воли, почему несколько часов провел в полицейском фургоне, а сейчас сидит в наручниках? Кто дал на это право? Ведь никакого судебного ордера на это, насколько мне известно, нет.

Пока генерал и все окружающие удивленно хлопали глазами, адвокат Петрова вынула из своего сверкающего портфеля несколько бумаг, разложила их на столе и произнесла:

– Генерал Скотт, дамы и господа, – хочу разъяснить вам кое-какие правовые аспекты! Итак, для того чтобы мой подзащитный сидел сейчас здесь в наручниках и отвечал на какие-либо вопросы, необходим судебный ордер. Конечно же, несколько часов тому назад генерал Скотт послал к местному судье – достопочтенному Аарону Джонсу – своих юристов, но, к счастью, они прибыли туда одновременно со мной. Мы очень долго дискутировали, и в результате судья решил ордер не выписывать.

Адвокат стала показывать красивым длинным пальцем то на одну, то на другую бумагу и говорить, словно вбивая гвозди:

– Так как моего подзащитного силой захватили там, где он вел легальную и законную трудовую деятельность, и помимо воли привезли в место, которое не значится в официальных базах данных ни как полицейский участок, ни как помещение военного предназначения, ни как место для работы спецслужб, достопочтенный судья Джонс решил, что гражданские права моего подзащитного грубо нарушены, есть серьезная опасность применения к нему недопустимых методов допроса и реальная угроза жизни. Поэтому вместо ордера он выписал предписание шефу полиции содействовать в освобождении моего подзащитного из данного помещения.

За спиной женщины-адвоката стояло несколько мужчин-полицейских, по виду которых было понятно: они с радостью защитят закон. А еще, возможно, они готовы были отдать за адвоката свою жизнь, честь и все пенсионные накопления...

– В то же время судья Джонс с глубоким уважением относится к предмету расследования, – продолжила адвокат. – Судья понимает, что рассказ Бонадвентура Петрова может пролить свет на происшествие, которое все сейчас бурно обсуждают. Поэтому он приглашает всех участников данного собрания завтра в 14.00 в главный зал Хьюстонского Дворца Правосудия. Там в присутствии достопочтенного судьи Джонса, стенографистов и адвокатов данный разговор может быть продолжен. Именно в такой диспозиции и никак иначе...

Пока ребята из Госдепа и прочие интересующиеся изучали принесенные адвокатом бумаги, Генерал Скотт нервно зыркал по сторонам, словно искал предателя, устроившего из тайной операции публичный адвокатско-судейский цирк. Его взгляд пару раз цеплялся за полковника Айсмана.

Джессика почему-то тоже думала именно на него.

«Ай да Айсман, ай да молодец!» – готова была воскликнуть Джессика.

Работа в секретном штабе ей порядком надоела. Знать ответ на дурацкий вопрос, кто и как послал сигнал, ей совсем не хотелось. Да и в здании суда она будет чувствовать себя намного спокойней, чем в закрытом помещении с вооруженным киборгом, стерегущим выход.

Джессика бросила взгляд в сторону киборга Гарри и не увидела того. Железный человек исчез.

– Комбинезон! – вдруг услышала она.

Это Петров увидел Джессику, узнал и радостно замахал освобожденными от наручников руками:

– Джессика! На вас все еще наш комбинезон! Вас, видимо, тоже схватили и насильно привезли сюда.

Петров обратился к полицейским и адвокату:

– Это Джессика Уотсон. Ее тоже нужно освободить...

Джессика закачала головой:

– Нет, нет. Я тут по своей воле...

Петров сник. Было видно, что он сильно расстроен.

А ей вдруг стало стыдно. Очень и очень стыдно.

«Убить пророка! Черта с два! Не позволю», – твердо решила Джессика.

«Дневная Моника»

– «Пирсон. Спектр. Литт»! Это шутка?

Бонадвентур ехал на переднем сиденье огромного внедорожника и вертел в руках визитку, на которой были написаны имена трех главных героев известного сериала Suits.

– Никаких шуток. Так называется наша юридическая фирма: «Пирсон. Спектр. Литт».

– Ага, а вы Харви Спектр...

– А почему не Джессика Пирсон? – удивилась сидевшая за рулем женщина-адвокат.

– Джессика Пирсон уже занята! Ее застолбила девушка в оранжевом комбинезоне – Джессика Уотсон. Наш главный акционер, между прочим... Похоже, в Америке закончились обычные имена и названия...

– И это говорит человек с именем Бонадвентур, – усмехнулась собеседница. – Настоящее или псевдоним?

– Настоящее.

– Неужто в честь Бонадвентура Пенкрофта из «Таинственного острова»?

Бонадвентур удивленно округлил глаза:

– Читали «Таинственный остров»?

– А кто не читал «Таинственный остров»?

Бонадвентур засмеялся.

– Да никто не читал. Я двадцать лет в Штатах, но только сегодня утром встретил человека, который читал «Таинственный остров» и знает, кто такой Бонадвентур Пенкрофт. Это была Джессика Уотсон, кстати. А вот сейчас мне встретился второй такой человек. Сегодня что – инопланетное вторжение?..

– Да, вторжение... И мы, инопланетяне, должны защищать друг друга на этой грешной Земле!

Женщина-адвокат широко улыбнулась, и Бонадвентур невольно завис. Ее улыбка была идеальна. Даже как-то слишком идеальна.

«Какой гений прописал этот фантастический ассемблер улыбки?» – спросил бы он, если бы разговаривал с роботом. Но сейчас спросил о другом.

– А откуда вы, вообще, взялись? Я ведь не нанимал никаких адвокатов! – вспомнил Бонадвентур.

– Очень даже нанимали! – парировала собеседница. – Согласно законам штата Техас, сообщение по коммуникатору приравнивается к официальному документу.

Она показала Бонадвентуру экран своего коммуникатора, где было написано: «Мое имя Бонадвентур Петров. Обращаюсь по рекомендации Софьи Касперской. Нужна ваша помощь».

– Ого! Здорово! Просто, я думал, что пишу крутым адвокатам из Нью-Йорка.

– А разве перед вами не крутой адвокат? – собеседница чутьчку нахмурилась. – Да, я работаю в Хьюстоне, но разве это что-то меняет? Друзья из Нью-Йорка бросили клич на ваше срочное спасение, и так вышло, что я оказалась ближе всех. Никто другой просто не успел бы добраться до судьи Джонса вовремя. Затем нужно было еще как следует постараться, чтобы вместо ордера тот выписал предписание освободить вас и назначил открытое судебное разбирательство.

– Да, конечно, спасибо огромное. С меня, кажется, причитается гонорар, аванс, вознаграждение... как там это правильно называется?

– Аванс в размере пятисот долларов уже внесен.

– Кем?

– Рекомендателем. По закону, рекомендатель вправе внести аванс. Вы сами написали: «Обращаюсь по рекомендации Софьи Касперской». Я позвонила Касперской, и она заплатила первые пятьсот долларов.

– Похоже, Софья из-за меня подставилась...

– Похоже. Думаю, теперь Госдеп вцепится в ее фирму с космической силой. Но нам, юристам, это в радость. Чем больше у клиентов проблем, тем больше у нас денег.

Все восхищение от собеседницы вдруг как рукой сняло.

– Кстати, о деньгах! У вас они есть? – спросила женщина-адвокат. – Пятьсот долларов уже давно закончились. Гонорар моей фирмы – две тысячи в день, плюс накладные расходы.

Бонадвентур прикинул свои накопления и понял, что долгой защиты ему не видать. Чтобы перевести разговор на другую тему, он спросил:

– А что, киношное название помогает?

– Пирсон, Спектр, Литт – это реальные фамилии сотрудников нашей фирмы – исполнительного директора, пиар-менеджера и бухгалтера. Юридическая фирма досталась мне в наследство от отца, которого звали Колодовинариус Литтенмайер старший. У его коллег и партнеров имена были еще заковыристей. Работали отлично, но денег зарабатывали мало. Все потому, что юридических контор, работающих добросовестно, в Америке тысячи. Чтобы получать крутые гонорары, нужен особый драйв, флер, нужна известность и узнаваемость! Законы шоу-бизнеса в адвокатском ремесле работают покруче, чем в Голливуде. Поэтому, когда в зарплатных ведомостях случайно обнаружили фамилии Пирсон и Спектр, – на меня снизошло озарение. Мы быстренько нашли и приняли на работу бухгалтера с фамилией Литт и сделали ребрендинг. С тех пор мы «Пирсон. Спектр. Литт» и дела идут весьма недурно.

Собеседница посмотрела в боковое зеркало и добавила:

– Великая сила шоу-бизнеса вам тоже должна помочь!

Бонадвентур взглянул туда, куда смотрела его адвокат. Он увидел огромный палаточный городок и толпу людей. Все это располагалось вдоль лужаек и аллей, окружавших его дом.

– А что происходит? – спросил Бонадвентур.

– Все эти люди хотят видеть вас!

– Зачем?

– Несколько часов назад преподобный отец Смит, выступая на CNN назвал вас пророком. Час спустя пастор Иверсон на канале FOX обозвал шарлатаном. И после этого – понеслось...

– Ужас какой...

– Это не ужас, это спасение! Да придет Спаситель!

Собеседница снова широко улыбнулась, и Бонадвентур вновь растаял: «Две тысячи плюс накладные расходы, чтобы наблюдать эту улыбку каждый день, – какая ерунда!»

Заметив на себе цепкий взгляд Бонадвентура, адвокат перестала улыбаться и продолжила как можно строже:

– Говоря про шоу-бизнес, я вовсе не шутила. Вы попали в серьезную переделку, а потому медийность – это единственно верная линия поведения. Необходимо максимально быстро превратиться в публичную персону, быть все время на виду, всегда перед камерами. В противном случае вас изолируют, и там, в изоляции, может произойти все что угодно.

Она остановила машину на обочине и вынула из бардачка какие-то папки:

– Здесь все, что нужно. Очередность интервью в СМИ. Расценки и договоры. Список вопросов. Список ответов. Сейчас мы поедem в отель, куда скоро подъедут мои коллеги. Нужно будет как следует потренироваться. Сначала репетируем вопросы-ответы для СМИ, затем вопросы-ответы для суда.

Бонадвентур вдруг словно очнулся. Он положил папки обратно в бардачок и сказал:

– Послушайте, я, конечно, благодарен за все. Но я так устал, хочу просто отдохнуть. И, потом, весь этот шоу-бизнес, все это не для меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.